ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. ВОЙНА НА ДВИНЕ

Глава 1. В Юрьеве 5
Глава 2. Трясина 17
Глава 3. Крепость ордена меченосцев Феллин 27
Глава 4. Монах 37
Глава 5. Бой у брода 45
Глава 6. Обмен 60
Глава 7. По лесам к Двине 74
Глава 8. Сила в единстве 87
Глава 9. В Андреевском 109
Глава 10. Крепости 121
Глава 11. Дерзкий штурм 133
Глава 12. Вниз по реке 150
Глава 13. Кукейнос 164

Часть II. ВЕТЕР С ВАРЯЖСКОГО МОРЯ

Глава 1. Курс ост 180
Глава 2. Крепость в осаде 193
Глава 3. Котлин 206
Глава 4. Короткий отдых 217
Глава 5. Не посрамим же веры и чести своей! 228
Глава 6. Осада 241
Глава 7. В вирумских лесах 250
Глава 8. Ночная вылазка 271
Глава 9. Отбились 280
Глава 10. Свирь, погост вепсов 300
Глава 11. Правь к своему Эрику, гут 313
Глава 12. Разгром 329

Часть I
ВОЙНА НА ДВИНЕ

Глава 1
В ЮРЬЕВЕ

— Петя, Петь, ты меня слышишь? — прошептал Митяй, склонившись над другом. — Пе-еть...

Открытый проём шатра заслонила человеческая фигура, и внутри сразу стало темно.

— Опять ты здесь ошиваешься?! — буркнул, заходя с кувшином, лекарь. — Ну сколько можно говорить — не велено никому у раненых быть! Катерина заметит, всем достанется!

— Ермолай Чурилыч, ну я же на минутку только, — пластун виновато шмыгнул носом. — Я только чтобы проверить — очнулся он али нет.

— Проверил? — хмуря брови, бросил дядька. — Ну вот и ступай, значит, себе. Видишь же сам — в несознании он, но дышит, и дышит ровно, а это самое главное. Ему сейчас только молитва и покой нужны, а ты ходишь тут, тревожишь. Иди давай уже!

— Выздоравливайте, дядьки, тут вот гостинец вам, — Митяй положил холщовый свёрток на скамью и, откинув полог, выскочил наружу.

— Чего парня шпыняешь, Ермолай? — проворчал один из лежащих на топчанах раненых. — Вспомни, как сам после копья при Борнхвёде так же вот лежал. И чего, разве плохо было, когда с десятка проведывали?

— Не плохо, не плохо, — проворчал Ермолай, разливая по глиняным кружкам травяной взвар. — Однако не можно тут никому из посторонних быть. У вас тут шатёр для шибко ранетых воев, а не проходной двор. Вокруг него полевая лазарета раскинута, а не торговые ряды, где можно шататься. Мало в прошлый раз Васильевна всех бранила? Ещё надо?.. Держи, Назарка, — лекарь подал кружку не молодому уже воину. — Давай-ка я тебя придержу, что ли, — подхватил он под локоть раненого.

— Да сам я, — тот, кряхтя, привстал с лежака. — Чего уж, совсем, что ли, немощный. Ты, вон, Черняю лучше помоги, у него рёбра болят, когда он шоволится. И откинь ты уже этот полог, ну чего мы как в погребе. Врач же сама давеча говорила, чтобы продувало маненько.

— Сейча-ас, — лекарь наполнил из кувшина вторую кружку и отвёл в сторону концы плотной конопляной ткани. — Лучше? Ну вот. Давай, болезный, теперь тебя будем поить, — подошёл он к следующему раненому. — Давай-ка потихо-онечку, помаленьку привстаём. Я тебе валик под спину подложу и кружку придержу.

— Что, не очнулся Петька? — поинтересовался у подошедшего Митяя Серафим. — Не переживай, парень он крепкий, выкарабкается, коль уж раньше за кромку не ушёл. Сам же давеча сказывал, что он ровно дышит, значит, точно поправится. Просто он силы, выходит, копит во сне.

— Ну да, дядька Ермолай так и сказал, — тяжело вздохнув, признал Митяй, — Говорит, время нужно.

— Ну, ежели сам Ермолайка сказал, тогда да, тогда конечно, — затянув петлю на одёжном шве, произнёс Звяга. — Он в лекарях сразу опосля датского похода

обретается, прямо с тех пор, как его на поле ранили. И так-то ведь в этом деле был искусен, а потом ещё и в поместье подучили. Так что не журись, паря, всё образуется. Ты к Стояну-то заглядывал? Гостинцы передал?

— Конечно, — кивнул Митяй. — Он уже с палкой по шатру ковыляет, когда лекарей рядом нет. Говорит, ещё седмицу там побудет и в сотню станет проситься. Вам всем привет велел предать и благодарность за гостинцы.

— Какая там седмица?! — фыркнул Вага, подвешивая котёл над костром. — У него стрела на два пальца вглубь мясо срезала и жилу перебила. Там крови, небось, с добрый ковш из раны вышло. До конца вересеня[1] будет точно в лекарне лежать. Так что, Серафим, придётся тебе за десятника подольше быть. А то — седмица! Нет уж, пока совсем всё не заживёт, никто его в сотню не отпустит. Уж я-то порядки поместных лекарей хорошо знаю. Небось сам два раза у них был. — И Вага, перехватив у Местка кожаное ведро с водой, вылил из него в котёл.

— Плохо, — сказал, вздохнув, Серафим. — Суетное это дело начальственное. Одно — когда ты за себя думаешь, совсем другое — когда за людей. — Встряхнув кафтан, он натянул его на себя. — Ладно, братцы, пойду я к Мартыну Андреевичу. Наказывал он после обеда всем десятникам и взводным командирам у него собраться. Может, расскажет, чего дальше-то делать будем.

— Давай-давай, иди, начальник, — ухмыльнулся правивший лезвие меча Звяга. — Потом с нами поделишься, что да как. А то ведь мы все тут в неведенье

[1] Сентябрь (*старослав.*).

пребываем — осень, скоро дожди зарядят, а отбоя походу нет, всех в кулаке держат.

— Мы не отказываем в союзе славному князю полоцкому, — глядя в глаза боярину, твёрдо произнёс Александр. — Хотим только, чтобы он этот союз скрепил прежде с отцом моим. Княжество Юрьевское удельное, и я на него волею отца, князя Ярослава Всеволодовича, поставлен. Негоже без него такие важные решения принимать. Военную же вашу помощь, боярин, для похода на Двину приму с благодарностью. Ратные люди сейчас нам очень нужны. Думаю, и отец мой порадуется, видя, что и дружина полоцкая в одном строю с нами немца воюет. Одно дело, боярин, будем делать — латинян с Двины скидывать. Они ведь и вашим, и нашим купцам ходу к морю не дают, на порубежье свои крепости ставят и набеги вглубь делают. Пришла пора выкинуть их с задвинских земель.

— Я понял тебя, князь, — немного помолчав и, как видно, обдумав ответ, произнёс Судило Игоревич. — Князь полоцкий Брячеслав Василькович уже отправил своих ближних людей к Ярославу Всеволодовичу. Но он, как я понимаю, сейчас занят делами киевскими, и как скоро сможет откликнуться — то нам не ведомо. А вот вы, как я слышал, уже до зимы хотите пройтись ратью по всей Двине. Так ли это? И не получится ли, что союз-то мы с князем Ярославом вскоре заключим, а вот река для нас опять будет закрыта? И те задвинские земли, что были до латинян вассальными Полоцку, вновь нам будут чужими. Ну и ваш союз с литвинами, князь, признаться, нас тоже весьма тревожит. Очень уж непростой сосед, эти литвины.

— Мой отец справедлив и честен, боярин, — откинувшись на спинку резного кресла, звонко произнёс Александр. — Он ещё четыре года назад, готовя поход

на Дерпт, предлагал союз Полоцку, обещая восстановление его вассальных княжеств Кукейнос и Герцике и совместное владение Двиной. Нужно было только решиться — глядишь, и не пришлось бы сейчас выбивать из Ливонии всю массу военной рати латинян. Не собрались бы они с силами, и не было бы сейчас их крестового похода на восток. И неизвестно, состоялся бы вообще тогда наш союз с литвинами. Глядишь, и своих бы, русских ратных людей, хватило против немцев. Но это уже всё, я повторюсь, нужно обсуждать с моим отцом. От себя же, как князя Юрьевского, я могу сейчас предложить Полоцку оказать помощь и принять участие в летнем походе. В моём походе, боярин. Думаю, что это зачтётся, когда между твоим и моим князем будет заключаться союз. Но мы его ждать не можем и уже через седмицу выступим к Двине, с вами или без вас. Так что присоединяйтесь, боярин, или ждите решения отца. Вот и весь мой тебе сказ. Яким, что там у тебя по подсчётам отбитого? — Александр повернулся к тиуну. — Давай-ка сюда грамотку.

Полоцкий боярин, поняв, что разговор с ним закончен, поклонился и, развернувшись, пошёл с тремя своими ближниками из приёмного зала.

— Судило Игоревич, гонцов готовить? — поинтересовался шагавший рядом с ним дружинный старшина. — Я Ратише загодя сказал десяток на самых резвых конях отобрать.

— Готовить, — хмурясь, ответил боярин. — Четыре сотни вёрст скакать до Полоцка. По лесам да с переправами на реках, как раз через седмицу-то и прибудут к Брячеславу Васильковичу, а юрьевские уже в походе будут. Гляди-ка, княжич молодой, всего-то двенадцать лет ему от роду, а ведь разумен. Если господь не призовёт к себе, подрастёт, ох и сильный же

хозяин будет. Небось, и батюшку своего переплюнет. Присмотреться бы к нему надо.

Полоцкие вышли, и Александр отложил свиток в сторону.

— Ну что, всё ли ладно сказал? — спросил он сидевших рядом за столом бояр.

— Ладно, князь, ла-адно, всё правильно, хорошо речь держал, — закивали те.

— Пусть-ка подумают теперь, а стоит ли им опять в стороне отсидеться. — Олег Ярилович усмехнулся. — Эдак ведь и вообще можно без всего остаться.

— А как боярин-то вскинулся, когда ему напомнили про то, как заключался наш союз с литвинами, — вставил тиун. — Не по нутру полоцким такое, ох не по нутру. Понимают, что этот союз не только супротив немца, но и против них может обернуться. Тут уж впору не о задвинских землях думать, а как бы свои, исконные, не потерять.

— Но-но, Яким! — вскинулся псковский воевода Милослав. — Ты, никак, литве собрался полочан отдать?! Слышишь сам, что говоришь?! Если бы не Усвяты, когда им кровь пустили, небось, уже бы до Торопца всё забрали, и даже переволоки сейчас ихними были. Миндовг только и смотрит, где и кто вокруг слабее и от кого бы ему кус отхватить. О прошлом годе вон жмудь с земгалами примучил — с вашей, кстати, помощью, воевода, — кивнул он Андрею. — А как только куршей со скальвами под себя подомнёт, так и опять на восток полезет.

— Если полезет — встретим, — усмехнулся Сотник. — Хотя сомневаюсь я, Милослав, память у князя Миндовга хорошая. Да и куршей не так просто подмять. Сведущие люди подсказали, что их князь Мацей к немцам за помощью обратился и жмудь с земгалами супротив литвы подбивает. Так что у Миндовга руки

ещё долго будут в Балтии связаны. А там уж поглядим, нам бы пока в Ливонских землях с немцами разобраться.

— Всё верно, нечего далеко загадывать, — поддержал Сотника воевода Олег. — По предстоящему походу срок Александр Ярославович определил. — Он сделал поклон князю. — Сами только что слышали, через седмицу войско выходит в сторону Двины. Первой должна пасть самая сильная Динабургская крепость. Взяв её, мы сможем загрузить осадные пороки и припас на суда и спуститься к двум другим большим крепостям: Кокенгаузен и Ашераде. Первая из них уже обложена немцами камнем, и взять её будет так же не просто, как и Динабургскую. С Ашераде, я полагаю, проще. Там пока стены ещё бревенчатые, но основание уже обкладывают камнем. Пара-тройка лет — и она станет таким же крепким орешком, как и все прочие.

— А на Ригу что же, мы и вовсе не думаем идти?! — воскликнул псковский тысяцкий Горята Пяткович. — Тогда почто все нынешние и грядущие труды, когда устье Двины так за немцем и останется? Что толку от них, когда выхода нашим торговым судам в море не будет? Ну повоюем мы немца в среднем течении, порушим там три его большие крепости, — если, конечно, ещё порушим, ибо те ещё это твердыни. Кровь свою обильно прольём, воев и ратных ополченцев потеряем, а потом обратно восвояси уйдём. Зачем всё это? Чего же я вечу псковскому скажу?

— Затем, что не делается всё разом и с одного наскока! — вскинулся Олег Ярилович. — Ты что же это думаешь, Горята, пять сотен своего городского ополчения привёл и три дружинные сотни — и всё, и немец в страхе в свои земли сбежит?! Да у него только в Динабурге за крепкими стенами, небось, половина от того, что ты привёл. А в других крепостях больших

и малых? А у самой Риги? А латгаллов и ливов с дружинами ты считал?!

— Так я и говорю — толку-то от этого похода! — упрямо гнул своё псковский старшина. — Похоже, зазря мы сюда топали!

— Позволь мне, князь, сказать? — попросил Александра Сотник.

— Говори, Андрей Иванович, — благосклонно кивнул князь.

— Сейчас сил для того, чтобы очистить всю Двину от немцев, у нас, господа совет, действительно нет, — произнёс Сотник. — Войско наше после недавних сражений только-только начало восстанавливаться. Около трёх сотен ранеными сейчас у лекарей в лазаретных шатрах лежат. Часть в ратных отрядах с небольшими ранениями обретаются, и в дальний поход не каждого из них можно взять. Кто-то будет охранять наши крепости. Самое же главное — это то, что три сотни мы вынуждены держать у озера Выртсъярв, за которое откатилась часть участвовавших в походе на Юрьев сил неприятеля. Поэтому от нашего Юрьевского княжества на Двину может пойти лишь тысяча. Вот и считайте: к ней прибавляем пять сотен пришедшего псковского ополчения, три дружинные сотни псковского князя Юрия Мстиславовича и сколько-то, пока точно не скажу, сотен союзных эстов. Сможем мы такими силами Ригу взять?

— Под Ригой только одной рыцарской орденской конницы не меньше тысячи, а представьте, сколько ещё хорошей пехоты из германских земель морем приплыло! — воскликнул воевода псковского князя, Милослав. — Это мы не считаем ополчения, крепостных гарнизонов и тех же латгаллов с ливами. А совсем скоро и те, кто участвовал в неудачном походе на Юрьев, начнут из лесов к Риге выходить.

— Всё правильно, — кивнул Сотник. — Это тоже нужно в расчёт брать и понимать, что у нас только пара месяцев есть, чтобы Динабургскую крепость с двумя прочими взять, пока немцы совсем от недавнего поражения не оправились. Иначе они всю массу своих войск кинут двинским гарнизонам на выручку. Пока же мы большую часть орденской рати крестоносцев у Феллина держим. Как раз для того там сейчас три наши сотни по эстским лесам и показывают активность. Дабы именно в том месте неприятель ожидал удара, а не у Двины. Со временем разгадает он, конечно, эту задумку, а там уже поздно будет перебросить свои войска. Дожди, хлябь, большие расстояния, мыслю я, помешают ему это сделать. Так что пара месяцев у нас точно есть.

— Это всё складно ты, Андрей Иванович, сказываешь, но я вот опять о своём! — возвысил голос псковский тысяцкий. — Почто же нашему граду все эти труды? Добычу взять? Так немец ещё дань с окрестных латгальских селищ не собрал. Только лишь к середине зимы, по хорошей дороге она в крепостя свозится, то все давно знают. А просто железом махать да кровь у высоких стен лить — так что с того толку?

— Есть толк, Горята Пяткович, — спокойно возразил Сотник. — Именно с Динабурга все последние набеги на русские земли и на ваши, в том числе, были. Как форпост латинян они в Задвинье. Как острие меча. Рано или поздно, но окрепнут враги и опять пойдут на вас. Один раз крестоносцы уже забирали под себя Псков, неужто хорошо вам под ними было? Ещё хотите? Мы вон тоже из эстских земель не смогли пока немцев полностью выбить, но далеко отодвинули их от Юрьева. Вот и на Двине так же надо. А уж когда сил побольше будет, тогда и Ригу возьмём.

— Ой ли, такие ведь крепости сильные, — Милослав с сомнением покачал головой. — Как бы не оплошать. Два месяца всего, говоришь, Андрей Иванович. Ну, даже не зна-аю.

— Не хотите с нами идти?! — разнёсся звонкий мальчишечий голос в зале. — Так я сам со своей дружиной и союзными эстами пойду. Но тогда пусть и люд псковский тоже сам держит ответ перед князем Ярославом Всеволодовичем. Ему вы обещание давали. Мы же и без вас на немца пойдём.

— Александр Ярославович, не гневайся, — произнёс примирительно воевода Милослав. — Мой князь Юрий Мстиславович наказ давал с вами быть. Три дружинные сотни мои в поход идут. Да и наш тысяцкий, думаю, тоже в стороне не останется. Ну, чего, Пяткович, молчишь? — Он толкнул локтем Горяту. — Неужто развернётесь и до дому пойдёте? И как оно вас там во Пскове встретят?

— Да пойдём мы, пойдём, — проскрипел тот. — Как тут впустую вернуться? Только вот долю с добычи хорошую просить буду. Чтобы и в следующий раз, как клич будет, с большой охотой люд в поход собирался.

— Ох и расстарались, — вдыхая мясной дух от разваренной каши, произнёс Серафим. — Проголодался, пока у шатра Мартына Андреича толклись. Местята, кричи артель, есть будем. Я вам за ужином всё и расскажу, интересные есть новости.

Рассевшиеся вокруг большого медного котла пластуны по очереди черпали из него густое варево. Никто не спешил, но и не зевал. До середины вкушали молча, только слышалось сопенье и стук деревянных ложек о стенки посудины.

— Хорошо зерно разварилось, — дуя на ложку с кашей, заметил Звяга, — не то что в прошлый раз.

— Так тогда в спешке всё было, только ведь с учений пришли, а вам же поскорей надо, — развёл руками Путша. — Сами меня торопили — быстрей, быстрей, — так что не надо пенять.

— Да кто тебя пеняет? — хмыкнул Серафим. — У Звяги двух зубов нет, ему ли не знать, какая каша мягше? А по вкусу-то твоя, Путша, тоже другим не уступит. Хорошо ты её салом и травками приправил, и соли как раз. Так что не егозись.

— Да я-то ничего, — пожал плечами пластун. — Соли вот мало осталось, по горсти только на неделю её артелям дают.

— Зато овоща и мяса в достатке, — заметил Седьмак. — Осень на носу, вон как эсты его обильно завозят. И лук с репой, а теперь ещё и капусту. Говорят, скоро караван можно из поместья ожидать, вот с ним и привезут небось соли и всего прочего.

— Да, слышал, — подтвердил Вага. — За дроблёнкой к обозным заходил, сказывают, что челны уже по Чудскому озеру до устья Омовжи дошли. Ладейные передохнут и завтра к Талькхофской крепости подгребут, а там всего-то полдня — и всё сюда повозками подтянут.

— О-о, это хорошо! — Сидящие кружком пластуны встрепенулись. — И новостями, значит, ладейные поделятся. Как оно там в поместье?

— Уходили они с него в начале липня[1], значит, уже первый сенокос прошёл, озимые тогда зерно в колосе набрали, их вот-вот жать можно было начинать, — прикинул Серафим. — Скажут, как оно там всё уродилось. Чего ещё мастеровые нового измыслили. Чего в Новгороде и на Руси вообще творится. Мы-то тут как на отшибе нынче. У нас одни только новости, чего

[1] Июль (*старослав.*).

у литвы, у немцев или данов делается. Ну давай, старшой, поведай, чего там наш сотник рассказал?

Серафим зачерпнул из котла каши, неспешно её разжевал и, облизнув ложку, положил её около себя на полог.

— Через два дня уходим отсюда, братцы, — произнёс он негромко. — Основное войско через седмицу в поход двинет, а мы с дозорной конной сотней, как водится, раньше.

— Куда идём-то? — послышалось от зашевелившихся пластунов. — Неужто, решили у Феллина утёкшую рать магистра добивать?

— Не-е, — покачал головой Серафим, — не угадали. Там из пластунов будет только сотня Онни и две из Нарвской помощи. А вся остальная рать на юг к самой Двине пойдёт. Решено на ней латинянские крепости порушить, пока главные силы магистра у Феллина в лесах и у Риги собрались.

— Ну вот, я же говорил, что не дадут нам долго прохлаждаться, — заявил Путша. — А вы говорите — до зимы, до середины студеня[1] большого дела не будет.

— Ну да, так и думали, — Звяга пожал плечами. — К зиме же говорили надобно рать Ярослава ждать. Без неё у нас сил на чужой стороне воевать нет. Едва ли хватает, чтобы Юрьевское княжество прикрыть.

— Ну не знаю, чего слышал, то вам сказал. — Серафим опять взял ложку в руку. — Небось орденские крестоносцы по мордасам тут получили и тоже так же думают, новые силы для набега копят, а наше начальство меж тем упредить их решило. Но ударить в нежданном месте задумало. Стратегиус, да, Митяй? —

[1] Декабрь (*старорус.*).

спросил у молодого пластуна десятник. — Так ты вроде говорил большое военное дело зовётся?

— Стратегиус, — проворчал Седьмак. — Набрались иноземных словечек. Однако всё перебрать перед выходом нужно. Мне две тетивы бы заменить и обувку, штопаная-перештопаная вся. Потом-то не до этого уже будет. Быстрей ведь вперёд всех погонят.

Глава 2
ТРЯСИНА

Шагах в десяти от лежащей в зарослях крушины пары воев вспорхнула птица, и они насторожённо закрутили головами.

— Вроде не видать никого, — прошептал Викула, сжимая в руках сулицу.

— Тихо, — подтвердил, снимая с тетивы стрелу, Ушак.

— Свои, — вдруг на плечо дёрнувшемуся Викуле легла сзади чужая крепкая рука. — Не дёргайся, паря, а то ненароком ухо срежу.

Перед глазами караульного мелькнуло остро заточенное лезвие, и он, покосившись вбок на напарника, обмяк. Точно так же придерживали сейчас и его, а позади виднелась фигура в накидке лешака.

— Вот та-ак, молодцы, — раздался позади всё тот же тихий глухой голос. — Недалеко от нас, в какой-то версте, с полсотни чужаков лесом идут. Вы бы чуть сместились в сторону, братцы, а то как раз у них на пути легли. Только не спугните ненароком, лучше просто тихо полежите, а уж мы с ребятками сами их примем. Всё ли поняли?

— Поняли, — выдавил из себя Викула. — А как же начальству доложить?

— Доложили уже. — Рука отпустила плечо, миг — и позади караульных уже никого не было.

— Хуже волков, — буркнул, передёрнув плечами, Ушак. — И как только подошли так тихо?

— Так пластуны же. Могут, — прошептал напарник. — Ну что, перебежим к болотине?

— Давай, — Ушак поправил примятую траву и, пригнувшись, бросился вслед за Викулой.

— Полсотни их, Онни, может, и ещё десяток к ней, — докладывал через несколько минут сотнику Деян. — По повадкам, бóльшая часть из западных эстов, но несколько немцев среди них тоже разгляделi. У одного там доспех хороший. Идут сторожко. Дозор впереди и позади, в каждом по пять лесников. Но, видать, шибко притомились, не очень внимательны, нас самих и наш след пока не заметили.

— Осколки от того заслона, который давеча разгромили? — спросил Онни. — Два отряда уже их выбили, думал всё. Целую седмицу даже одиночек не видно, всех союзный эст подмёл.

— Уж не знаю, как они там и кого подмели, Калевыч, — хмыкнул десятник. — Если бы мы сами цепью не прочесали у Омовжи и Педьи, так бы небось и ломились до сих пор по лесам.

— Ладно, долго говорить — время терять, — сотник поморщился. — Кто сейчас там их ведёт?

— Из моих, пятёрка Вахруши, — ответил Деян. — Нам бы ещё пару наших пластунских десятков, а то если из приданных ратных брать, шумно получится.

— Доброслав! — подозвал своего помощника Калевыч. — Бери десятки Микко и Вериги, бегите за Деяном, он у болотины бегущую полусотню неприятеля выследил. Там и немцы, говорит, есть, постарайтесь хоть кого-нибудь из них живым взять.